

Потемкина Т.М.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ЖЕНСКИХ ПОЛОВЕЦКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СО СТАТУСНЫМИ ПРЕДМЕТАМИ

В статье раскрывается социокультурный аспект женских половецких погребений, в состав погребального инвентаря которых входят шейная или распрямленная гривны, котел или набор этих предметов. Автор делает попытку определить прижизненный статус и ранг представительниц половецкой знати.

Вопросы социальной реконструкции в археологии неизменно привлекают внимание исследователей. Главным источником для подобных работ, как правило, служат погребальные памятники, которые наиболее пригодны при изучении социальной дифференциации общества [Цимиданов 2004, с. 5]. Одним из важнейших критериев определения прижизненного статуса умершего считается набор погребального инвентаря. Несмотря на то, что отношение к нему у исследователей разное, не учитывать его нельзя. Большинство полагает, что не количество инвентаря, а отдельные предметы, несущие прямую социологическую информацию, могут помочь определить ранговую характеристику погребенных. Как известно, в достаточно развитом стратифицированном обществе, каким являлись половцы, наблюдается сближение имущественного и рангового статуса индивида, что делает необходимым анализ всех признаков погребального обряда и всей совокупности сопроводительного инвентаря.

Высокое социальное положение женщин в патриархальном половецком обществе неоднократно подчеркивалось кочевниковедами, прежде всего, С.А. Плетневой [1990; 2003]. После смерти знатных женщин им ставили памятники (изваяния), подчеркивая, как правило, их роль именно в качестве хранительниц жизни. По мнению С.А. Плетневой, культ предков у половцев превратился в культ представителей аристократической верхушки [Плетнева 1974, с. 76]. Цель данной работы – определить прижизненный статус и ранг половчанок, в состав погребального инвентаря которых входят социально определенные предметы, такие как котел, шейная и распрямленная гривны.

В массиве женских половецких погребений выделяется небольшое количество захоронений с ранговыми предметами, которые определенно связаны с единственной социальной категорией. Их можно разделить на 3 группы: с одним ранговым предметом, с двумя и тремя. Первая группа самая многочисленная: с шейной гривной – 26 комплексов, с котлом – 13, с распрямленной гривной – 6. Во вторую группу входят всего 2 комплекса: 1 с распрямленной и шейной гривнами и 1 с шейной гривной и котлом. В шести захоронениях третьей группы присутствуют шейная гривна, котел и распрямленная гривна. Таким образом, источниковую базу составляют 53 комплекса. Следует отметить, что из 13 погребений с котлом 2 из-за разрушенности комплексов и невыразительности инвентаря отнесены к женским условно, 2 (Восточный Маныч-II, 38/2 и Ак-Таш 63/2) – парные, но котел (или дужка от него) находился в ногах женщины, поэтому погребения учтены среди женских.

Картографирование памятников показало следующую картину. Комплексы с шейной гривной распространены на достаточно широкой территории: от Поингуля на западе до Подонцовья и Нижнего Подонья на востоке, и от Поросья на севере до Крыма и Прикубанья на юге (рис. 1). Географические рамки комплексов с котлом практически те же: они обнаружены от Нижнего Поднепровья на западе до Нижнего Подонья и Калмыцкой степи на востоке, и от Среднего Подонья на севере до Крыма на юге (рис. 2).

Погребений с распрямленной гривной намного меньше, чем комплексов с котлом и шейной гривной, тем не менее, они покрывают значительную территорию: от Поросья на севере до Нижнего Поднепровья на юге и западе и до Нижнего Подонья на востоке (рис. 3). Комплексы с двумя ранговыми предметами расположены на Нижнем Дону и в Прикубанье.

А погребения с тремя инсигниями ранга обнаружены в основном в Северо-Восточном Приазовье, а также в Крыму, на Нижнем Дону и в Прикубанье (рис. 3).

Датировка памятников следующая. Подавляющее большинство погребений датируется в рамках XII-XIII вв., лишь 11% комплексов можно отнести к раннезолотоордынскому времени (2-я пол. XIII – 1-я пол. XIV вв.).

При сравнении отдельных характеристик погребального обряда и сопроводительного инвентаря трех указанных групп погребений, прежде всего, необходимо обратить внимание на разное количество комплексов, относящихся к этим группам. Поэтому для адекватного сравнения все количественные показатели переведены в процентные (табл. 1). Судя по ним, захоронения с одним ранговым предметом находятся приблизительно на одном уровне. Тем не менее, погребения с котлом по отдельным показателям значительно отличаются от комплексов с шейной гривной и от захоронений с распрямленной гривной. Так, по наличию досыпки, рва, тризны, каменных конструкций в насыпи показатель комплексов с котлом (ПК) превышает соответствующие показатели погребений с распрямленной гривной (ПРГ) на 29%, а захоронений с шейной гривной (ПШГ) на 19%. Сложная погребальная конструкция в ПК встречалась чаще, чем в ПРГ, на 36% и, чем в ПШГ, на 34%. Перекрытие могильной ямы в ПРГ не зафиксировано, а в ПШГ его почти на 40% меньше, чем в ПК. Сопровождение конем в ПК чаще, чем в ПШГ, на 19% и всего на 2% больше, чем в ПРГ. Показатели шелка, парчи (или изделий из них) в ПК на 11% больше, чем в ПШГ, и почти в 3 раза больше, чем в ПРГ. Достаточно выразительны цифры по количеству изделий из драгметаллов: в ПК и в ПШГ они близки, а в ПРГ на 83% меньше, чем в ПШГ и на 56% меньше, чем в ПК. Все эти моменты отразились и на имущественных разрядах погребений этой группы. Среди комплексов с распрямленной гривной богатых и очень богатых нет. 19% погребений с шейной гривной отнесены к богатым, 23% захоронений с котлом богатые (15%) и очень богатые (8%).

Таким образом, наши данные показывают, что погребения с одним ранговым предметом имеют такую условную иерархию: 1) погребения с котлом, 2) погребения с шейной гривной, 3) захоронения с распрямленной гривной.

Во вторую группу (с 2 ранговыми предметами) входят всего два комплекса, поэтому цифры характеристик погребального обряда не выразительны. Зато процентный показатель изделий из драгметаллов достаточно яркий – 400%. Оба погребения из этой группы богатые.

Процентные показатели погребального обряда третьей группы (с 3 ранговыми предметами) комплексов особо не отличаются от соответствующих цифр других групп. В то же время количество изделий из драгметаллов в этих захоронениях самое большое – 467%. Половина погребений третьей группы определена как богатые и 16,7% как очень богатые.

С обнаружением новых захоронений с двумя и тремя статусными предметами эти данные, естественно, будут уточняться и, возможно, погребения второй и третьей групп придется объединить.

Как было сказано выше, средневековые номады представляли собой достаточно развитое стратифицированное общество, в котором наблюдалось сближение имущественного и рангового статусов индивида. Поэтому для определения социального положения женщин из описанных комплексов мы использовали, прежде всего, оценку сложности погребального обряда и качества вещевого набора. Их анализ показал, что все погребения, без сомнения, принадлежали знати. Однако ранговые уровни умерших были не одинаковы. Погребения с котлом принадлежали взрослым женщинам. Два парных захоронения не равнозначны: если в комплексе Восточный Маныч-II, 38/2 мужчина лежал рядом с женским костяком и имел свой инвентарь (сабля, колчан, красноглиняный кувшин), то в погребении Ак-Таш 63/2 скелет мужчины обнаружен лежащим ничком, сползшим со ступеньки. Инвентаря при нем не было. Котел считается символом родового объединения [Швецов 1980, с. 200, 201; Плетнева 2003, с. 163]. Таким образом, женщины, погребенные с котлом, по-видимому, какое-то время перед

смертью возглавляли социальную ячейку (кош, род), или являлись женами (вдовами) глав родовых объединений.

Захоронения с шейными гривнами самые многочисленные. Половозрастная характеристика данной группы погребенных представляет несомненный интерес. Из 26 комплексов 21 принадлежит взрослым женщинам, 4 – подросткам 10-14 лет, 1 – ребенку 3-4 лет. Ни в одном мужском половецком погребении шейная гривна не встречена. Упоминание отдельными исследователями [Отрощенко, Рассемакин 1986, с. 14-36; Евглевский 1998, с. 147] о находке шейных гривен в мужских погребениях (Чингул, Юзово к.А) является ошибкой. В Чингуле шейное украшение представляет собой длинную, толстую сложноплетёную серебряную цепь; в юзовском погребении за шейную гривну было принято украшение воротника кафтана серебряной фольгой. Анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря захороненных свидетельствует о том, что шейная гривна является социальным символом, маркируя высокий статус умерших. Этот тезис иллюстрирует погребение ребенка (Царский 42/1) с двумя серебряными позолоченными гривнами. Детали погребального обряда (основное захоронение в кургане, наличие каменного кольца вокруг насыпи, рва с остатками тризны) подтверждают, что в могиле похоронен ребенок из знатной семьи. Прижизненный статус женщин с шейными гривнами был, по-видимому, не ниже, чем женщин, погребенных с котлами. Скорее всего, это были жены, матери, дочери, сестры старейшин, глав родов или племен.

Ранговый уровень женщин с распрямленной гривной, судя по всему, был несколько ниже, чем женщин, в инвентаре которых присутствовал котел или шейная гривна. Поскольку распрямление гривны, как известно, происходило во время погребального обряда [Гриб 1986, с. 55; Евглевский 1998, с. 147], возникает вопрос, почему только в одном случае из пяти шейная гривна подвергалась данной процедуре. По-видимому, это как-то связано с социальным положением этих лиц. С.А. Плетнева неоднократно развивала и пыталась доказать тезис о существовании у половцев института «амазонства». Созданный ею современный миф о половецких женщинах-воительницах не подтверждается ни письменными, ни археологическими источниками. Базовым аргументом С.А. Плетневой является утверждение, что Анна Комнина якобы упоминает об участии половецких женщин в боях. Исследовательница ссылается на издание труда 1859 г. в переводе В.Н. Карпова. Приводим цитату полностью, поскольку издание труднодоступное и, насколько нам известно, никогда не цитировалось. «Но еще до заключения мирных условий является к нему перебежчик Неанц. По этому случаю посылается Мигидин, с поручением привести из окрестных сел народные сходки. Сын его в последнем сражении на месте, быстро погнался за Пачинаками, был увлечен одной Скифянкой и, втащенный железным крюком в середину повозки, взят в плен. По просьбе его отца, царь выкупил отрубленную его голову» [Византийские историки... 1859, с. 342]. В «Алексиаде» 1965 г. (перевод Я.Н. Любарского) этот фрагмент звучит так: «Еще до заключения мирного договора к Алексию явился перебежчик Неанц. Затем император послал Мигидина за продовольствием, которое тот должен был доставить из соседних областей. Позднее в битве около ... сын этого Мигидина стремительно набросился на печенегов, но был пойман и схвачен скифянкой, и железным серпом его затащили к скифским повозкам. По просьбе Мигидина император выкупил отрубленную голову его сына» [Комнина Анна 1965, с. 216]. Как видим, единственное замечание, как-то связанное с участием женщины в военных действиях, относится к печенегам, о половчанках Анна Комнина не писала. Да и упомянутый эпизод, если подходить объективно, «участием в бою женщины» никак не назовешь. Показательно упоминание в этом «сражении» не оружия, а крюка (серпа)!

Таким образом, письменные источники не дают оснований для утверждения, что у половцев существовал институт «амазонства». Женщины с мужским архетипом, для которого характерны активность, стремление к лидерству, агрессивность, воинственность и т.п., существовали во все времена как у оседлых, так и кочевых народов. В той же

«Алексиаде» Анна Комнина упоминает о Сигельгаите (Гаите), жене Роберта (бывший предводитель норманнов, герцог Апулии, Калабрии и Сицилии, постоянно воевал с Византией), которая сопровождала его в военном походе. Во время битвы она, заметив бегущих от врага воинов, попыталась их остановить. «Она сурово взглянула на них и оглушительным голосом ... произнесла: «Будьте мужами, друзья, и возвысьтесь доблестным духом». Видя, что они продолжают бежать, Гаита с длинным копьем в руке во весь опор устремилась на беглецов. Увидев это, они пришли в себя и вернулись в бой» [Комнина Анна 1965, с. 151]. Обратим внимание, что и в этом эпизоде женщина не принимала непосредственного участия в сражении.

Очень важен и следующий момент. С.А.Плетнева совершенно не учла, что главным в институте «амазонства» была не воинственность женщин, а то, что они жили отдельно от мужчин. Таким образом, женщины-воительницы и легендарные амазонки – не одно и то же, хотя и те, и другие – собирательные образы женщин, живших в условиях матриархальных отношений или кочевого образа жизни, не отвергающего участия женщин в военных кампаниях. Например, царица массагетов Томарис (VII в. до н.э.) отличалась исключительной военной хитростью. Персидский царь Кир предлагал ей выйти за него замуж, но она отказалась. Кир начал войну, однако Томарис разгромила его многочисленную армию, а Кир был убит в сражении [Геродот I, 214].

Как уже отмечалось выше, археологические источники также не подтверждают гипотезу С.А. Плетневой. Если в скифских, савроматских и особенно в сарматских женских погребениях содержится относительно большое количество предметов вооружения, то о половецких захоронениях такого сказать нельзя. В погребениях половчанок изредка встречаются одна-две стрелы, которые интерпретируются обычно как дары. Лишь в описаниях двух женских (?) захоронений есть упоминания о фрагментах сабли. Рассмотрим их подробнее. Комплекс Мамай-Гора 43/2: в отчете пол не указан, в публикации [Каприцын 1993, с. 265] это женщина 30-35 лет. Кроме типично женского инвентаря («рога», стеклопастовые бусы, височные подвески с биконической бусиной, имитации лазуритовых подвесок), упоминается фрагмент клинка сабли (?), найденный слева от ног. Причем рисунка и описания этого фрагмента нет, а знак вопроса поставлен автором публикации. Комплекс Благовещенка 1/1: в отчете пол не указан, в тезисах [Попандопуло 1988, с. 46] – женщина. Инвентарь: лазуритовые подвески, рогатые золотые колты, подвески из стекла, костяная рукоять плети, бронзовые бубенчики, кожаный кошель. Справа от правой ноги лежал обломок (верхняя часть с рукоятью) сабли. Судя по всему, пол автор публикации определила, исходя из присутствия в инвентаре женских украшений. Даже, если это верно, наличие обломка сабли вовсе не означает, что он принадлежал погребенной. Как известно, в захоронения клали не только личные вещи умерших, но и дары, адресованные богам, душам предков, ранее умершим и т.д.

Интересно мнение С.Г. Фатыхова о возможных причинах появления легенд об амазонках. Комментируя «странные битвы девственниц из кочевых племен, о которых говорится в каракалпакском эпосе и в некоторых античных текстах», исследователь пришел к выводу, что они напоминают своеобразные обряды инициации [Фатыхов 2008, с. 582]. Изоляция иницируемых девственниц от остальной кочевой массы, их обязанность охранять «менее мобильную матриархальную группу с детьми», по мнению С.Г. Фатыхова, поддерживали мифическую славу амазонок, а может, стали причиной рождения легенд о них.

Так или иначе, хотя ни письменные, ни археологические источники не дают нам прямых свидетельств о существовании половецких женщин-воинов, мы не вправе отрицать, что отдельные половчанки эпизодически могли участвовать в битвах, что отнюдь не означает наличие у них института «амазонства». Поэтому версию о том, что погребения половчанок с распрямленной гривной – это захоронения женщин, погибших в военных сражениях, мы не рассматриваем. Трактовка распрямленной гривны в качестве средства платежа за вход в

загробний мир [Глебов, Яценко 1998, с. 52; Гугуев 2009, с. 137] нашими матеріалами не підтверджується. Можливо, дані погребення належать жінкам воєнних вождів, а, бути може, распрямлення гривни здійснювалось в разі погребення вдови.

Прижиттєвий статус жінок із другої групи (с 2 ранговими предметами), на наш погляд, близько положенню погребених із третьої групи, які, судячи по всьому, мали найвищий статус в половецькому суспільстві та всієї повноти влади в своїй соціальній групі. Така ситуація, скоріше за все, складалась після смерті чоловіка при невідлітності синів. Вероятно, ці вдови-регентши були наділені властними повноваженнями та здійснювали управління своїм родом, виконуючи як господарські, так і політичні, і, можливо, військові (по обороні вей) функції. Ці передположення ґрунтуються на численних письмових джерелах, які, незважаючи на те, що описують життя монгольських кочовиків, можуть, на наш погляд, бути екстраповані на половецьке суспільство.

Таким чином, можна констатувати, що погребальний обряд захоронення знатних половецьких жінок відображав не тільки (і не тільки) їх матеріальне положення, але й, в першу чергу, манифестував достатньо високий прижиттєвий соціальний статус погребених. Котел, шийна та распрямлена гривни або їх набір як рангові знаки маркували визначену соціальну ступінь половецької ієрархічної структури, на якій знаходилась представниця знаті.

Потьомкіна Т.М.

СОЦІОКУЛЬТУРНИЙ АСПЕКТ ЖІНОЧИХ ПОХОВАНЬ ЗІ СТАТУСНИМИ ПРЕДМЕТАМИ

В масиві жіночих половецьких поховань виділяється невелика кількість захоронень з ранговими предметами, які безперечно пов'язані з єдиною соціальною категорією. Їх можна поділити на 3 групи: з одним ранговим предметом, з двома і трьома. Аналіз поховального обряду та супровідного інвентарю виявив, що усі ці поховання, без сумніву, належали знатним половецьким жінкам.

Жінки, яких було поховано з казаном, мабуть, якийсь час перед смертю очолювали соціальний осередок (кіш, рід), або були дружинами (вдовами) голів родових об'єднань. Прижиттєвий статус жінок з шийними гривнями був, імовірно, не нижчим, ніж жінок, похованих із казаном. Скоріш за все, це були дружини, матері, доньки, сестри старійшин, голів родів або племен. Ранговий рівень жінок з розпрямленою гривною, мабуть, був декілька нижчим, ніж жінок, в інвентарі яких був присутній казан або шийна гривня. Можливо, ці поховання належали дружинам (вдовам) військових вождів.

Прижиттєвий статус жінок з двома та трьома ранговими предметами, напевно, був близьким. Ці половецькі жінки мали найвищий статус у суспільстві й усю повноту влади в своєму соціальному осередку.

Ключові слова: жіночі половецькі поховання, казан, розпрямлена та шийна гривня, ранговий рівень, прижиттєвий статус, соціальний осередок.

Potjomkina T.M.

SOCIAL AND CULTURAL ASPECT OF FEMALE POLOVTSY BURIALS WITH STATUS OBJECTS

Among the female Polovtsy burials there are a little of burials with rank objects which are definitely connected with one social category. They can be divided into 3 groups: with one rank object, with two, and three ones. The analysis of a funeral ceremony and accompanying goods has revealed that all these burials undoubtedly belonged to notable Polovtsy women.

Apparently, women buried with a cauldron before their death used to be leaders of a social cell (kosh, kin) for a while, or were wives (widows) of heads of tribal associations. Probably, the lifetime status of women with neck grivnas was not lower than that of the women buried with a cauldron. Most likely, they were wives, mothers, daughters, or sisters of elders, heads of kins or tribes. The rank level of women with unbent grivna was apparently somewhat lower than that of the women among whose grave goods there was a cauldron or neck grivna. Probably, these burials belonged to wives (widows) of military leaders.

The lifetime status of women with two and three rank objects is most likely similar. These Polovtsy women possessed the highest status in a society and all completeness of authority in their social cell.

Keywords: female Polovtsy burials, a cauldron, unbent and neck grivnas, a rank level, the lifetime status, a social cell.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Византийские историки, переведенные с греческого при С.Петербургской Духовной Академии. Сокращенные сказания о делах царя Алексея Комнина. Труды Анны Комниной / Пер. под ред. В.Н.Карпова. – Ч. 1. – СПб., 1859.

Глебов В.П., Яценко В.В. Позднекочевническое погребение на севере Ростовской области // Донская археология. – № 1. – Ростов н/Д, 1998. – С. 46-53.

Гриб В.К. Об одном из атрибутов власти в погребениях поздних кочевников // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: тез. докл. обл. науч.-практич. семинара. – Донецк, 1986. – С. 54-55.

Гугуев Ю.К. Рассказ Жана де Жуанвиля о похоронах знатного кумана // Тюркологический сборник. 2007-2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. – М.: Восточная литература РАН, 2009. – С. 125-145.

Евглевский А.В. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв. // АА. – № 7. – Донецк, 1998. – С. 141-156.

Каприцын И.И. Средневековые погребения из кургана 43 могильника Мамай-Гора // ДСПК. – Т. IV. – Запорожье, 1993. – С. 264-267.

Комнина Анна. Алексиада / Вступ. ст., пер. и комм. Я. Н. Любарского. – М.: Наука, 1965. – 688 с.

Отрощенко В.В., Рассмакин Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульского кургану // Археология. – Вип. 53. – 1986. – С. 14-36.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. – Вып. Е 4-2. – М.: Наука, 1974. – 200 с.

Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII века. – Воронеж, 2003. – 248 с.

Попандопуло З.Х. Погребение с оружием и женскими украшениями // Международные связи в средневековой Европе: тез. докл. и сообщ. – Запорожье, 1988. – С. 46-47.

Фатыхов С. Мировая история женщины. Хроно-культурологическое и фактографическое осмысление. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. – 944 с.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. – Донецк, 2004. – 204 с.

Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // СА. – № 2. – 1980. – С. 192-202.

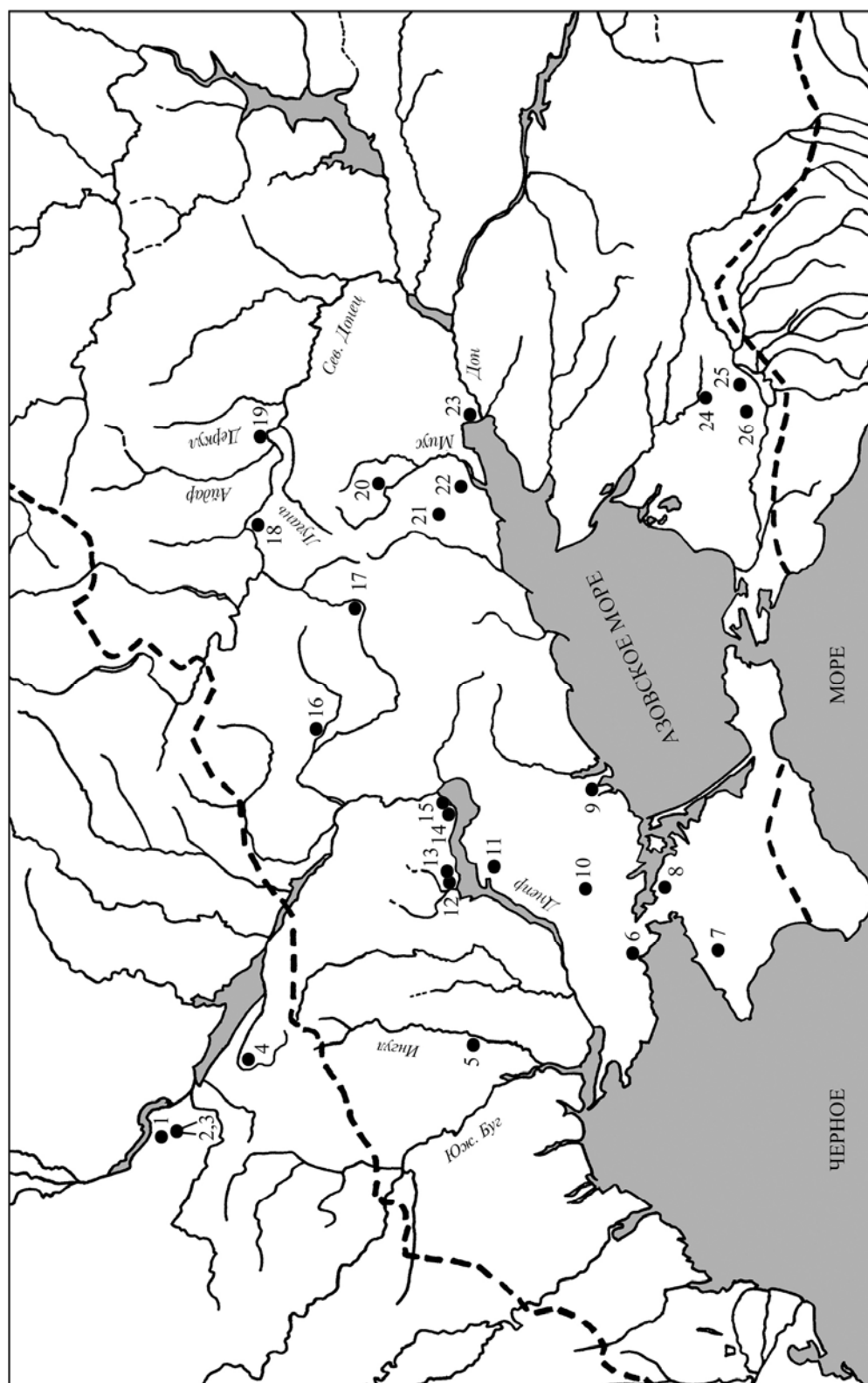

Рис. 1. Погребения с шейной гривной: 1 – Бурты, к.260; 2 – Лучки, к.6; 3 – Лучки, к.8; 4 – Смела, к.54; 5 – Привольное 4/1; 6 – Каланчак 2/1; 7 – Солдатovo 2/2; 8 – Богачевка 9/4; 9 – Давыдовка 15/1; 10 – Скворцовка 4/1; 11 – В.Рогачик 1/6; 12 – Кут 27/4; 13 – Круглая могила 13/1; 14 – В. Тарасовка-II, 5/3; 15 – Беленькое 1/2; 16 – Верби-II, 5/3; 17 – Птичь 1/1; 18 – Приволье 1/1; 19 – Петровка-I, 2/2; 20 – Артемовка; 21 – Каменка-II, 1/1; 22 – Таврия-I, 2/5; 23 – Царский 42/1; 24 – Пролетарский 1/6; 25 – Забытый 2/5; 26 – Новотитаровская 6/3.

Fig. 1. Burials with neck grivna: 1 – Burti, barrow 260; 2 – Luchki, barrow 8; 3 – Luchki, barrow 54; 4 – Smela, barrow 4/1; 5 – Privolnoye 4/1; 6 – Kalanchak 2/1; 7 – Soldatovo 2/2; 8 – Bogachivka 9/4; 9 – Davydovka 15/1; 10 – Skvortsovka 4/1; 11 – V.Rogachik 1/6; 12 – Kut 27/4; 13 – Kruglaya mogila 13/1; 14 – V. Tarasovka-II, 5/3; 15 – Belenkoye 1/2; 16 – Verbki-II, 5/3; 17 – Ptichye 1/1; 18 – Privolye 1/1; 19 – Petrovka-I, 2/2; 20 – Artemovka; 21 – Kamenka-II, 1/1; 22 – Tavriya-I, 2/5; 23 – Tsarskiy 42/1; 24 – Proletarskiy 1/6; 25 – Zabytyi 2/5; 26 – Novotitarovskaya 6/3.

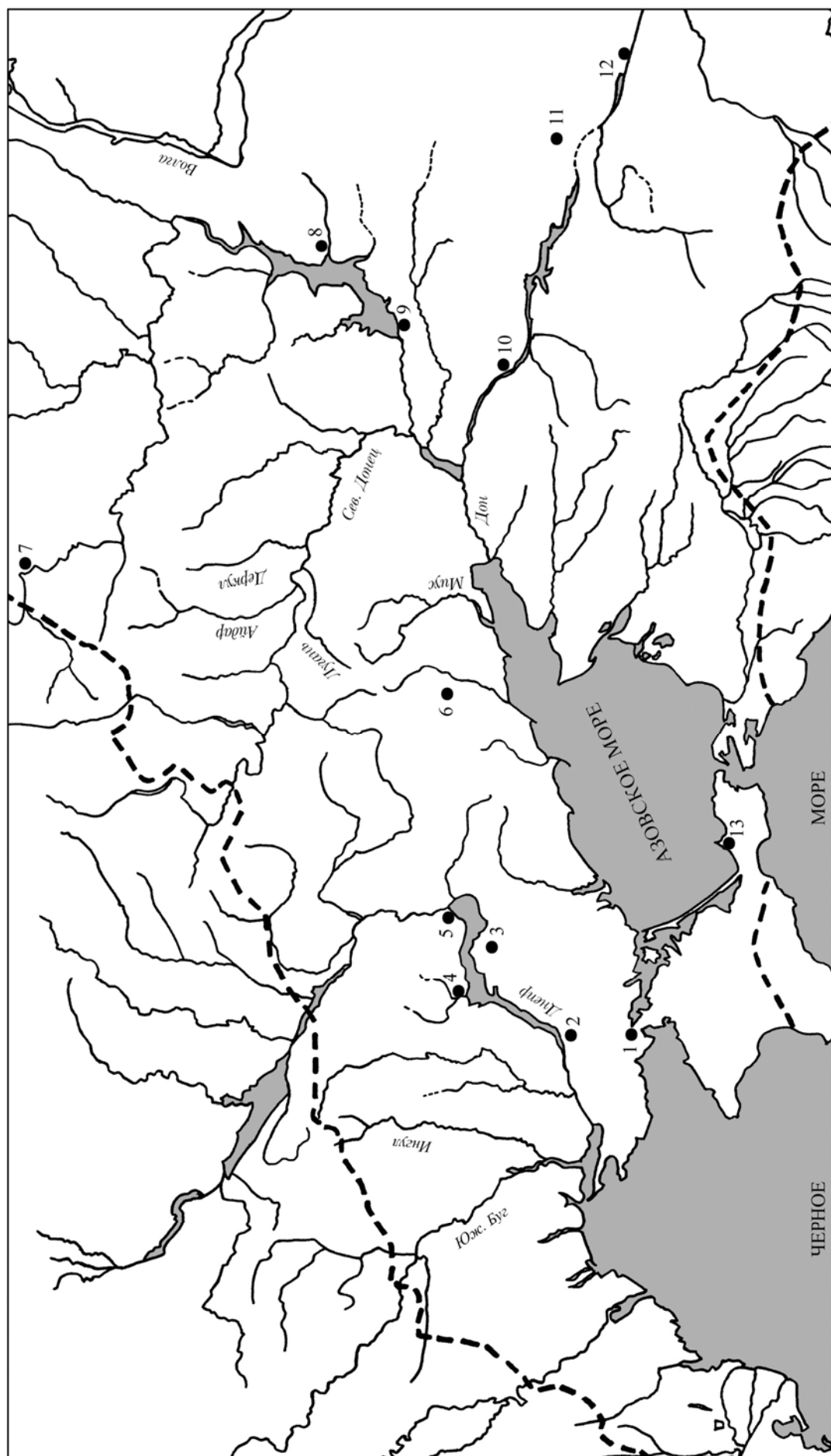

Рис. 2. Погребения с котлом: 1 – Мирное 2/4; 2 – Софиевка 13/1; 3 – Б.Белозерка 28/5; 4 – Кут 26/2; 5 – Разумовка-III, 4/3; 6 – Полковое 3/3; 7 – Новый Буравль; 8 – Аксеновский (Дорофеевский)-II, 1/5; 9 – Вербовый Лог-VIII, 1/1; 10 – Кутыи-XII, 5/1; 11 – Лола 13/3; 12 – Вост. Манч-II, 38/2; 13 – Ак-Таш 63/2.
Fig. 2. Burials with a cauldron: 1 – Mirnoye 2/4; 2 – Sofiyevka 13/1; 3 – B. Belozerska 28/5; 4 – Kut 26/2; 5 – Razumovka-III, 4/3; 6 – Polkovoe 3/3; 7 – Novyi Buravli; 8 – Aksionovskiy (Dorofeyevskiy)-II, 1/5; 9 – Verbovyi Log-VIII, 1/1; 10 – Kutsyi-XII, 5/1; 11 – Lola 13/3; 12 – Vost. Manych-II, 38/2; 13 – Ak-Tash 63/2.

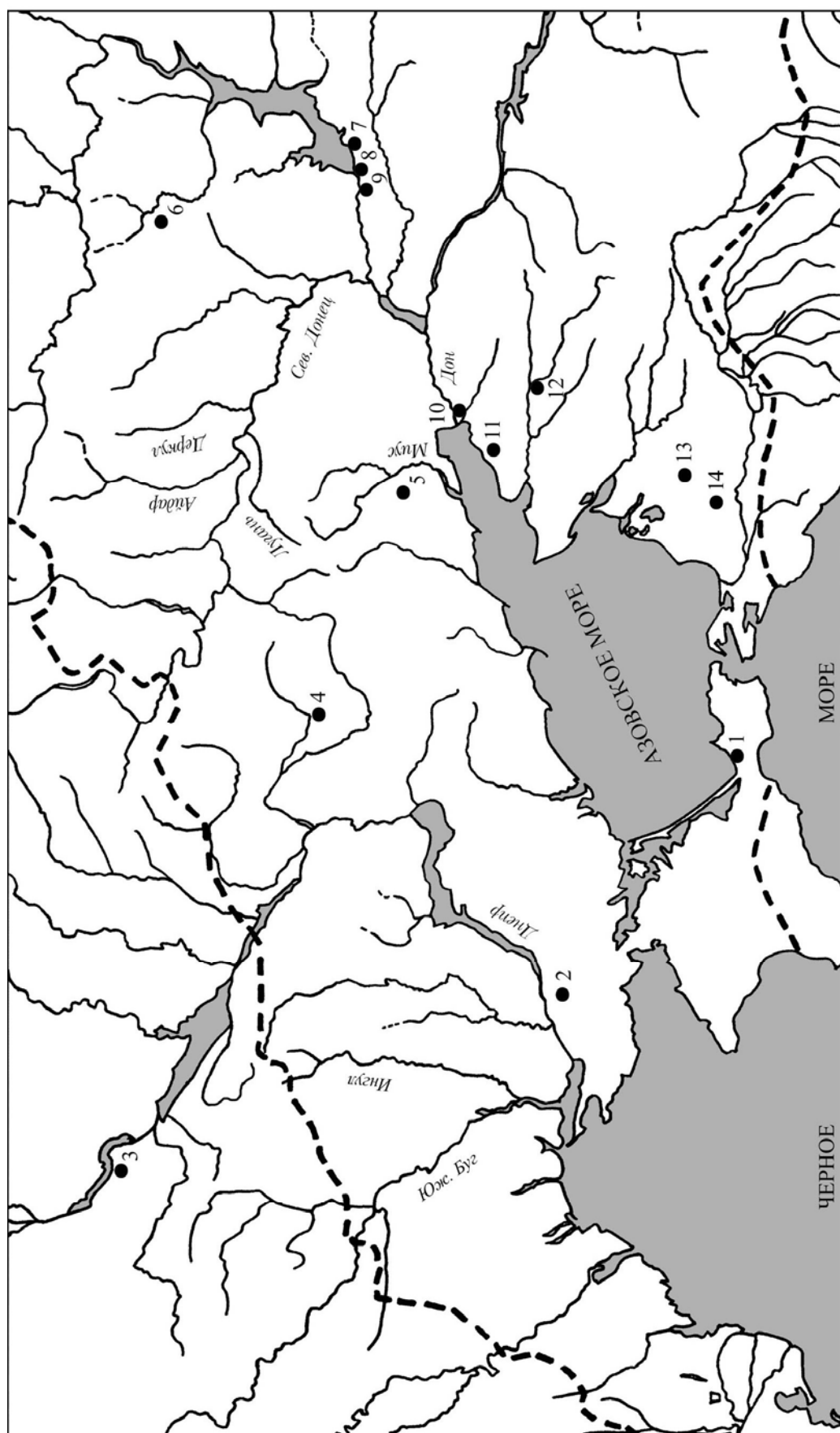

Рис. 3. Погребения с распрямленной гривной (2-4, 6, 9, 10), с распрямленной и шейной гривными (8), с шейной гривной и котлом (14), с распрямленной, шейной гривными и котлом (1, 5, 7, 11-13): 1 – Ильичево 3/3; 2 – Новая Маячка 3/1; 3 – Бурты, к. 258; 4 – Петропавловка-V, 1/2; 5 – Новоивановка; 6 – Кутейниковский-II, 4/1; 7 – Вербовый Лог-IV, 7/1; 8 – Саркел нас. 19/1, п. 56; 9 – «Дубенцовский»-I, 2/2; 10 – Высоchino-VII, 22/1; 11 – Нижняя Козинка; 12 – Кисляковская-XIII, 2/2; 13 – Малай 5/2; 14 – Новониколаевская 55/1.

Fig. 3. Burials with unbent grivna and a cauldron (14), with unbent and neck grivnas (8), with unbent and neck grivnas (1, 5, 7, 11-13): 1 – Ilyichovo 3/3; 2 – Novaya Mayachka 3/1; 3 – Burty, barrow 258; 4 – Petrovavlovka-V, 1/2; 5 – Novoivanovka; 6 – Kuteinikovskiy-II, 4/1; 7 – Verbovyi Log-IV, 7/1; 8 – Sarkel mound 19/1, burial 56; 9 – «Dubentsovskiy»-I, 2/2; 10 – Vysochino-VII, 22/1; 11 – Nizhniaya Kozinka; 12 – Kislakovskaya-XIII, 2/2; 13 – Malai 5/2; 14 – Novonikolayevskaya 55/1.

Характеристика Вид погребения	основное	впускное	насыпь	простая яма	сложная яма	перекрытие	гробовище	подстилка, мел	ограблено	конь	Ориентировка		шелк, парча	драг. металл	Размер распрямленной гривны					Металл шейной и распрямленной гривны				Объем котла			Имущественный разряд			
											З	В			мал. фрагмент	<1/2	1/2	>1/2	целая	бронза	серебро	железо	золото	средний	большой	очень большой	обычный	средний	богатый	очень богатый
ПК 13	25	75	46	15	69	61,5	69	38,5	69	69	77	23	46	223	–	–	–	–	–	–	–	–	–	45,5	45,5	9	23	54	15	8
ПШГ 26	23	77	27	35	35	23	54	27	46	50	52	44	35	250	–	–	–	–	–	19	69	12	–	–	–	–	42	39	19	–
ПРГ 6	33	67	17	50	33	–	67	17	50	67	80	20	17	167	17	–	–	83	–	33	67	–	–	–	–	–	33	67	–	–
ПШРГ и ПШГК 2	50	50	50	50	50	50	50	–	50	100	100	–	–	400	–	–	–	100	–	–	67	–	33	100	–	–	–	–	100	–
ПШРГК 6	33	67	17	17	50	17	83	17	33	50	60	40	–	467	–	–	17	33	50	–	92	–	8	60	40	–	16,7	16,7	50	16,7

Табл. 1. Сравнительная характеристика (в %) женских погребений с одним, двумя и тремя ранговыми предметами.

